

Самый страшный враг — это человеческая натура.

Чжи Цинь жевала куриную ножку, и жир стекал по её подбородку. Она пробормотала с набитым ртом:

— Хм... так вы столкнулись с Потерянным?

Е Цзыю покачал головой:

— Я лишь догадываюсь, но кто еще мог провернуть такое?

Словно осознав что-то, оба одновременно посмотрели на Бай Фушэна. Тот поднял голову с озадаченным видом, явно не понимая, почему разговор вдруг зашел о нем.

Именно благодаря тому, что Бай Фушэн заранее подготовил «второй эшелон» припасов, его рюкзак был набит мясными консервами, ветчиной и множеством пакетов с сублимированными овощами, что позволило им сегодня устроить настоящий пир с маленьким хот-потом. Для троицы, уже несколько дней питавшейся лапшой быстрого приготовления, вопросы безопасности продуктов отошли на второй план — они полностью погрузились в наслаждение едой.

Наевшись до отвала, все трое довольно откинулись на диван. Сытость принесла с собой приятную расслабленность, и их начало клонить в сон. В этот тихий момент угроза со стороны Потерянных и внешние опасности словно отступили, перестав занимать их мысли.

Когда Чжи Цинь проснулась, снаружи уже начало светать — было около трех часов ночи.

Просыпаться в гостиной для нее было делом привычным: после бессонных ночей за экспериментами она не раз валилась с ног дома — то на диване, то в ванной, пока не просыпалась от холода. Но сейчас все было иначе: она проснулась, укрытая теплым одеялом, прислонившись к Е Цзыю, который, в свою очередь, спал, привалившись к Бай Фушэну. Тот же обнимал её подушку-лягушку, и его волосы были в полном беспорядке.

Поправив одеяло на друзьях, Чжи Цинь на цыпочках достала план квартиры и вырвала у себя волосок, выставив его за окно. Волос едва заметно колыбался на ветру, но не сильно. Затем она достала бумагу и ручку, начав что-то высчитывать.

После этого она взяла из холодильника заранее замороженные кубики льда с резким запахом и направилась к окну в туалете. Настроив угол, она привязала к кубику льда веревку, обернула его тканью и опустила за окно, позволяя плавно скользить вниз. Добравшись до нужной отметки, она прижалась к стеклу и с помощью увеличительного стекла сфокусировала солнечный луч, пережигая веревку. Подтаявший лед соскользнул и упал прямо на край подоконника.

— Сегодня отличная погода, — произнесла Чжи Цинь, то ли констатируя факт, то ли рассуждая вслух. Поправив очки и спокойно вымыв руки, она вернулась в гостиную.

Вскоре проснулись и остальные. Чжи Цинь тщательно пересчитала остатки еды, её голос был спокойным, но в нем сквозила тревога:

— Если будем экономить, этих запасов хватит дня на четыре.

Она взглянула вниз, на улицу, и покачала головой:

— Потерянные из соседних домов уже окружили нас. Если мы снова выйдем, риск будет слишком велик.

Если бы их припасы не отобрали, им бы не пришлось так беспокоиться о еде. Бай Фушэн лишь хладнокровно заметил:

— По-моему, это вполне закономерно. Человеческая натура такова, поэтому я изначально подстраховался.

— Разве это нормально? — переспросил Е Цзыю.

— Нормально, — отрезал Бай Фушэн.

— Когда еды не хватает, люди перестают быть людьми, — добавила Чжи Цинь.

Бай Фушэн похлопал Е Цзыю по плечу, пытаясь его успокоить:

— Не злись. Я точно не оставляю это просто так. Сегодня ночью схожу и вскрыю замок в его комнате... — к тому же, это отличный повод набрать очки злодея.

Е Цзыю поспешно и серьезно возразил:

— Нет! Чем тяжелее времена, тем важнее не терять человеческий облик. Я не позволю тебе его убить, ты сам себя погубишь!

Видя, что остальные смотрят на него, Бай Фушэн улыбнулся:

— Ладно-ладно. У меня есть привычка менять свои моральные принципы в зависимости от обстановки. Но одно остается неизменным: мой главный принцип — всегда ставить себя на первое место. Какая разница между тем, чтобы отобрать мои припасы, и тем, чтобы отобрать мою жизнь? В этот раз я прощу, потому что нападать самому сейчас опасно. Но если представится шанс подставить его или возникнет другой конфликт интересов, я не проявлю милосердия.

Голос Е Цзыю прозвучал твердо:

— А я буду тебе мешать. Я не стану совершать подлости ради выгоды, даже если придется

заплатить за это цену! Потому что именно в трудные времена кто-то должен хранить моральные принципы и порядок. И я буду защищать их ценой своей жизни.

Разговор стал тяжелым. Все трое замолчали, в комнате воцарилась тишина. Снизу донесся полный ужаса крик, который быстро стих, сменившись мертвой тишиной.

Бай Фушэн, откинувшись на спинку стула, задумчиво посмотрел на висящий на стене плакат:

— Иметь всех людей?

— Люди имеют смысл! — тихо поправила его Чжи Цинь.

Бай Фушэн развел руками:

— Эй, я просто хотел сказать хоть что-то, чтобы разрядить обстановку!

Чжи Цинь, словно что-то вспомнив, нарушила тишину:

— Тогда одолжи мне денег.

Эта фраза неожиданно вызвала у всех троих приступ смеха — они рассмеялись, пытаясь выплеснуть накопившееся отчаяние и тревогу. Однако вскоре смех Чжи Цинь перешел в рыдания, и слезы покатались по её щекам. Е Цзыю толкнул локтем Бай Фушэна, который все еще глупо улыбался. Оба не понимали, почему она плачет, и растерянно засуетились.

Видя их замешательство, Чжи Цинь разрыдалась еще сильнее, её всхлипы были полны боли. Бай Фушэн, который всегда плохо умел утешать, нашел подушку-лягушку и сунул ей в руки, надеясь, что это поможет. Видя, что она не может остановиться, он начал неуклюже, как гладят кота, поглаживать её по голове.

Чжи Цинь сидела на полу, содрогаясь от рыданий, её лицо покраснелось. Е Цзыю внезапно осознал серьезность ситуации:

— У нее, кажется, дыхательный алкалоз!

Бай Фушэн тут же вскочил в поисках пластикового пакета. К счастью, Е Цзыю имел опыт в таких делах: он прикрыл рот Чжи Цинь ладонью, чтобы она не дышала слишком часто. Его голос был мягким и уверенным:

— Не спеши, дыши носом, медленно. Все хорошо.

Под его тихие уговоры дыхание Чжи Цинь постепенно выравнивалось, хотя выглядела она по-прежнему подавленной. Спустя долгое время она дрожащим голосом произнесла:

— Если бы я точнее рассчитала план, у нас бы не отобрали еду... Если бы я не была такой ленивой и запасла больше продуктов, вам не пришлось бы рисковать. За день до начала игры мама звала меня домой, обещала приготовить мои любимые ребрышки... мне стоило поехать.

Простите...

Ее голос, полный растерянности и раскаяния, затих в рыданиях. Бай Фушэн принес ей стакан воды, но она лишь бессильно отмахнулась. Поглощенная горем и досадой, она забралась на диван, обхватила колени и сжалась в комок, больше не двигаясь.

Раскаяние, тревога, нехватка еды и пессимизм сплелись в невидимую сеть, сковавшую Чжи Цинь. Е Цзыю понимал её боль, ведь он сам не раз плакал в такие же бессонные ночи.

<http://bllate.org/book/20719/2073004>